

УДК 343

Криминальное банкротство в зарубежных странах: регулирование и ответственность

Русяев Илья Николаевич

Аспирант кафедры уголовного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: manager@rusyaev.com

Аннотация

Статья посвящена всестороннему анализу института криминального банкротства в зарубежных странах с акцентом на правовые механизмы регулирования и меры ответственности за его совершение. Основное внимание уделено странам континентального права, чьи правовые системы наиболее близки к российской по историко-правовым традициям, подходам к нормативному конструированию составов преступлений и средствам уголовно-правовой охраны. Особое место в исследовании занимает уголовное законодательство Германии как пример одной из наиболее эффективных моделей регулирования отношений в сфере экономической несостоятельности. Рассмотрены положения Уголовного кодекса Германии (StGB) и Закона о несостоятельности (Insolvenzordnung – InsO), включая составы преступлений, предусмотренные §283 StGB. Проанализированы такие деяния, как преднамеренное сокрытие активов, искусственное увеличение пассивов, предоставление ложной отчетности и предпочтение отдельных кредиторов. Выявлены особенности уголовной ответственности, включая штрафы, лишение свободы и дополнительные санкции, а также проведено сравнение с законодательством Российской Федерации. Дополнительно исследовано законодательство Франции, Нидерландов и Швейцарии. Рассмотрены виды преступного банкротства, санкции за их совершение и особенности субъектного состава. Статья позволяет сравнить законодательство разных зарубежных стран, выявить сходства и различия в нормативно-правовом регулировании, а также преимущества и недостатки рассмотренных систем.

Для цитирования в научных исследованиях

Русяев И.Н. Криминальное банкротство в зарубежных странах: регулирование и ответственность // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 10А. С. 305-320.

Ключевые слова

Криминальное банкротство, экономическая несостоятельность, зарубежное законодательство, Закон о несостоятельности, преднамеренное сокрытие активов, фиктивное банкротство, континентальное право, уголовно-правовая охрана, санкции за преступления, сравнительное правоведение.

Введение

Нормы об уголовной ответственности за банкротство установлены в законодательстве как государств с развитой рыночной экономикой (Голландия, Италия, США, Франция, ФРГ и др.), так и стран, которые развивают рыночные отношения с 90-х гг. прошлого века (государства Восточной Европы, Прибалтики, СНГ). Для стран бывшего социалистического лагеря становление и развитие института банкротства стало явлением новым и во многом реализуемым на основе опыта Европы. Следует заметить, что усложнение экономических отношений, развитие мировых и региональных процессов хозяйственной и социальной глобализации, появление новых видов противоправного поведения хозяйствующих субъектов привели к тому, что в большинстве европейских стран на рубеже 70–90 гг. прошлого столетия были осуществлены серьезные реформы в области нормативного регулирования несостоятельности.

Основная часть

Особый интерес представляет регламентация ответственности за преступные проявления в сфере несостоятельности в странах континентального права как наиболее близкого отечественному уголовному праву по традициям и особенностям нормативного конструирования, средствам и приемам регламентации криминальных посягательств.

На наш взгляд, достаточно эффективная система уголовно-правовой охраны отношений в сфере экономической несостоятельности закреплена в уголовном законодательстве ФРГ. Так, в разд. 24 УК ФРГ «Преступные деяния, связанные с банкротством» содержится пять статей (§ 283–283d). Выделение специального раздела для закрепления преступлений, связанных с банкротством, несомненно, подчеркивает важность уголовно-правовой охраны сферы несостоятельности в рамках регулирования экономической деятельности. Отметим, что преступления в сфере несостоятельности, наряду с налоговыми посягательствами, занимают в этой стране ключевое место в статистике экономической преступности и объеме причиненного ущерба [Reinhard Bork, 2019]. Так, в 2020 г. общая сумма прямого ущерба от экономических преступлений в ФРГ составила 3,5 млрд евро, из которых свыше трети приходится на ущерб, наступивший в результате рассматриваемых преступлений [Statistiken und Daten zur Kriminalität, www].

Немецкие специалисты отмечают в последние годы значительный рост случаев банкротств хозяйствующих субъектов, отчасти связанный с негативным влиянием пандемии коронавируса COVID-19, отчасти – с общими негативными явлениями в мировой экономике. В этих условиях растет и количество преступных мошеннических банкротств, которые в ситуации ослабления контроля со стороны специализированных органов успешно маскируются под легальные проявления несостоятельности [Charlotte Schildt, 2020, 87].

Базовой нормой (основным составом по отечественной терминологии) в этой группе является § 283 «Банкротство», в которой закреплены основные формы преступного поведения несостоятельного должника. При этом надо сказать, что германское законодательство в данной части значительно схоже с российским, часто использует аналогичные термины: сокрытие, утаивание, повреждение имущества, документации должника (ч. 1 § 283). Указанные действия виновное лицо совершает в условиях 1) сверхзадолженности или в случае 2) грозящей либо 3) наступившей неплатежеспособности.

Отметим некоторые технико-юридические особенности указанной нормы в понимании отечественной правовой доктрины. Диспозиция нормы является бланкетной, при этом достаточно громоздкой (основной состав – 288 слов), в этой части она схожа со ст. 195 УК РФ.

Для расшифровки отдельных терминов необходимо обратиться к иноотраслевому законодательству. Так, сверхзадолженность [*Überschuldung*] имеет место, если пассив больше актива и таким образом ценность имущества должника не покрывает его долги (ч. 2 § 19 Федерального закона о несостоятельности (*Insolvenzordnung–Ins-O*) от 5 октября 1994 г. (BGBl. 1994 I S. 2866), в ред. Федерального закона о модернизации права обществ с ограниченной ответственностью и борьбе со злоупотреблениями (*MoMiG*) от 23 октября 2008 г. (BGBl. 2008 I S. 2026) [Головненков, 2016, 198].

Неплатежеспособность (*Zahlungsunfähigkeit*) имеет место, если должник за отсутствием соответствующих средств предположительно на длительное время не в состоянии исполнить срочные денежные обязательства (BGH NJW 2000, S. 156), требования по которым выставлены кредитором (Stree/Heine, in: Schönke/Schröder, 28. Aufl., § 283 Rn. 52). В соответствии с § 17 Федерального закона о несостоятельности (*Insolvenzordnung – InsO*), неплатежеспособность предполагается, если должник прекратил выплаты по обязательствам. Так, о грозящей неплатежеспособности речь идет, если должник предположительно будет не в состоянии исполнить имеющиеся денежные обязательства в срок [там же, 199].

В п. 1 ч. 1 § 283 указывается, что виновное лицо: 1) «исключает возможность доступа к частям своего имущества или утаивает части своего имущества, которые в случае открытия конкурсного производства принадлежали бы к конкурсной массе, или в 2) нарушение требований надлежащего ведения хозяйства уничтожает, повреждает или приводит их в негодность». Для оценки первого признака необходимо рассмотреть примечания к § 265. В контексте данной нормы под исключением возможности доступа понимается не только фактическое (физическое) удаление имущественных ценностей из сферы доступа кредиторов, но и правовые изменения в отношении этого имущества, например передача прав на имущество супругу или другому лицу, обременение имущества правами третьих лиц без непосредственно следующего встречного обязательства (фиктивные продажа, обременение, передача в залог) и т.д. [Charlotte Schildt: Die Insolvenz des Freiberuflers, 2006, 190]

При оценке второго признака, определяющего противоречие «требованиям надлежащего ведения хозяйства», следует иметь в виду, что именно конкретное инкриминированное действие (бездействие) является несовместимым с (установленными или принятыми) требованиями надлежащего хозяйствования. Следует уточнить, что данная предпосылка ограничивает сферу применения нормы в части уничтожения, повреждения и приведения в негодность принадлежащих к конкурсной массе имущественных ценностей лишь злонамеренными действиями, несовместимыми с нормальной (надлежащей) хозяйственной деятельностью. Например, диспозицией данной нормы не охвачено воздействие на предметы, предназначенные для бытового, личного и прочего частного использования или уничтоженные в рамках производственной, социальной или иной необходимости, например снос здания, находящегося в аварийном состоянии [Головненков, 2016, 199].

Построение нормы в целом базируется на основных правилах описания уголовно-правовых запретов в немецком законодательстве. В разных статьях предусматривается: а) различная последовательность размещения диспозиции и санкции; б) наказуемость покушения закрепляется в одной из частей конкретной статьи и т.д. В рассматриваемом случае¹ в начале следует санкция, предусматривающая альтернативно лишение свободы сроком до пяти лет или

¹ Немецкий законодатель при закреплении казуистичных, бланкетных диспозиций, как правило, описывает санкцию в начале (например, § 148, 299.1, 306а, 314, 316с). В нормах с «экономным» описанием преступного деяния санкция располагается после диспозиции.

денежный штраф. При этом следует подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, несмотря на указанную в санкции нормы лингвистическую «альтернативность» указанных видов наказания, в соответствии с § 41 УК ФРГ возможно совмещение этих видов наказания, если исполнитель в результате деяния обогатился или пытался обогатиться. Следовательно, наличие установленного корыстного мотива в действиях виновного может серьезно ужесточить наказание.

Во-вторых, денежный штраф назначается в условных дневных ставках² (§ 40). Размер дневной ставки (от 1 до 30 тыс. евро) и количество ставок (от 5 до 360) определяется судом с учетом «личной ситуации и материального положения исполнителя». При этом суд исходит, как правило, из чистого дохода, который имеет или мог бы иметь виновный в среднем в день. В данном случае очевидны широкие границы усмотрения при назначении денежного штрафа – от 5 до 10 млн 800 тыс. евро (по текущему курсу, от 440 до 950 млн 400 тыс. руб.). Следовательно, лицу, виновному в совершении преступного банкротства, может быть назначено максимальное наказание в виде 5 лет лишения свободы и штрафа в размере 10 млн 800 тыс. евро. В соответствии с УК РФ, максимальный фиксированный штраф за аналогичные посягательства (ст. 195, 195, 197) составляет 2 млн руб. На наш взгляд, в этой части отечественное законодательство требует определенной коррекции.

Ранее мы говорили об излишней казуистичности и громоздкости основного состава банкротства, закрепленного в ч. 1 § 283. Однако следует сказать, что диспозиция разделена на 8 пунктов, имеются также подпункты 7а и 7b, которые предусматривают различные альтернативные (как материальные, так и формальные) составы. Такой законодательный прием в значительной степени облегчает визуальное и интеллектуальное восприятие и понимание сложных экономических терминов, закрепленных в статье. УК РФ в отдельных статьях (ст. 213, 256, 258 и др.) также использует подобное нормативное решение. К сожалению, в целом в гл. 22 УК РФ, в том числе в наиболее казуистичных нормах об экономических преступлениях (ст. 172¹, 185³, 185⁵ и др.), данный прием конструирования отечественным законодателем не используется.

Интересно, что ч. 2 § 283 содержит, по сути, самостоятельный состав преступления, аналогичный деянию, закрепленному в ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство». В этом случае лицо посредством указанных в ч. 1 статьи действий создает свою сверхзадолженность или неплатежеспособность.

Наказуемость покушения закреплена в ч. 3 статьи, а также в § 283а «Особо тяжкий случай банкротства», § 283с «Предоставление преимущества кредитору», § 283d «Предоставление преимущества должнику». Напротив, в § 283b «Нарушение обязанности ведения бухгалтерского учета» ответственности за покушение не предусмотрено, поскольку деяния, закрепленные в ней, могут характеризоваться неосторожной формой вины.

Существенным отличием норм о банкротстве УК ФРГ от российского уголовного закона является установление ответственности за неосторожное поведение субъектов (ч. 4, 5 § 283). Немецкий законодатель прописывает в законе форму неосторожности, которая соответствует конкретному деянию, разграничивая, к примеру, неосторожность и грубую неосторожность. Так, для лица, которое скрывает или утаивает составные части своего имущества, которые в

² Квази-аналог отечественному МРОТ. Штрафы исчисляются в дневных ставках, штрафо-днях или в иных гибких комплексных расчетных единицах, помимо Германии, в уголовном праве многих европейских стран: Швейцарии, Дании, Испании и др. (см.: [Мартин Шмид, Огрохина, 2013, 88; Липатов, 2006, 61–63].

случае открытия процесса о банкротстве принадлежали бы к имущественной массе, подлежащей взысканию, или разрушает, повреждает или делает их непригодными таким образом, который противоречит требованиям надлежащей практики ведения хозяйства, предусмотрена преступная неосторожность (п. 1 ч. 4) (согласно отечественной правовой терминологии – небрежность).

Напротив, если лицо: а) совершает действия, противоречащие требованиям надлежащей практики ведения хозяйства, связанные со вступлением в убыточные или спекулятивные сделки или биржевые сделки на разницу с товарами или ценными бумагами или б) в результате бесхозяйственных расходов, игры или пари тратит чрезмерные суммы или становится должником, – то такое поведение характеризуется как небрежностью, так и грубой неосторожностью (п. 2 ч. 4) (по отечественной юридической лингвистике – преступным легкомыслием).

В ч. 6 анализируемой статьи закреплены дополнительные условия для определения состава преступления, в соответствии с которыми деяние подлежит наказанию только в том случае, если «исполнитель прекратил платежи по требованиям или в отношении его имущества открыто конкурсное производство или ходатайство об открытии конкурсного производства отклонено за отсутствием конкурсной массы». Это условие распространяется на все виды преступного банкротства, закрепленного в ч. 1, 2, 4, 5 § 283, а также в § 283b «Нарушение обязанности ведения бухгалтерского учета», § 283c «Предоставление преимущества кредиторам». Именно по этой причине, на наш взгляд, законодатель избрал такую специфическую конструкцию нормы, когда общие признаки для различных вариантов преступного поведения описываются в самостоятельной части определенной статьи.

В норме, закрепленной в § 283a «Особо тяжкий случай банкротства», в понимании отечественного уголовного права, закреплен квалифицированный состав. В качестве квалифицирующих признаков отражены ситуации, когда субъект:

- 1) действует из корыстных побуждений или
- 2) осознанно создает для многих лиц опасность утраты вверенных ему их имущественных ценностей или доводит этих лиц до бедственного материального положения.

Следует сказать, что при анализе ответственности лица, действующего «из корыстных побуждений», возникает противоречие с положениями общей части о штрафе. Рассмотрим в этой связи следующую проблему. Совпадает ли содержание признака, закрепленного в § 41 УК ФРГ и характеризующего обогащение исполнителя в результате совершения деяния или попытку обогатиться, с содержанием указанного в § 283a УК ФРГ признака, предусматривающего наличие корыстных побуждений? Если совпадает, то в таком случае возможно исключить применение основного состава и совмещенного наказания в виде лишения свободы и штрафа за преступление; при наличии установленного желания обогатиться квалифицировать содеянное исключительно по ч. 1 § 283a УК ФРГ, которая, кстати, не предусматривает наказание в виде штрафа.

Немецкая доктрина по-разному трактует указанные признаки, однако на практике суды включают понятие «попытка обогатиться» в понятия действия с корыстной мотивацией. При этом обогащение и попытка обогащения всегда связываются с личным обогащением, корыстная мотивация может направлена на приращение имущественных активов и у третьих лиц [Charlotte Schildt: Die Insolvenz des Freiberuflers, 2006, 99].

Оценивая второй квалифицирующий признак, отметим, что он характеризуется

определенными последствиями: 1) в виде возможной угрозы [Грибов, Иванчин, 2009, 63-67]³ – осознанно создает для многих лиц опасность утраты вверенных ему их имущественных ценностей или 2) в виде конкретного ущерба для потерпевшего – доводит этих лиц до бедственного материального положения. В данном случае (и это характерно для большинства экономических уголовно-правовых запретов в УК ФРГ [Грибов, Иванчин, 2009, 63-67]) закон не раскрывает размеры такого ущерба. Практика исходит, прежде всего, из имущественного положения лица или лиц, которым такой ущерб причиняется.

Французское законодательство, в том числе и уголовное, имело достаточный исторический и нормативный опыт правового регулирования отношений в сфере банкротства. Так, ранее действующий УК Франции 1810 г. (Кодекс Наполеона) содержал детально разработанные нормы о простом и злом банкротстве, которое описывалось в ст. 402–404.1 [Исаев, 1947]. Интересно, что указанные нормы носили классическую бланкетную форму, содержание диспозиций полностью раскрывалось в отраслевом законодательстве (в последней редакции УК – в Законе № 67-563 от 13 июля 1967 г. «О судебном урегулировании, личной несостоятельности и банкротствах» [О несостоятельности и судебных урегулированиях..., www]). Отмечая такую ситуацию, А.Г. Лордкипанидзе указывал, что специфической чертой французского законодательства этого периода являлось то, что санкции за преступное банкротство предусматривались в уголовном законодательстве, здесь же дифференцировалась ответственность за простое и квалифицированное поведение, тогда как диспозиции уголовно-правовых запретов о банкротстве содержались в гражданско-правовых актах, регулирующих несостоятельность [Лордкипанидзе, 1979].

Действующий УК Франции 1992 г. [Головкин, Крылова, 2002, 345] (в ред. от 1 июля 2000 г.) в Отделе III «Об искусственном создании неплатежеспособности» содержит ст. 314-7, предусматривающую ответственность за организацию фиктивной неплатежеспособности. **Статья** в определенной степени воспроизводит положения ст. 404-1 УК Франции 1810 г.

Согласно ч. 1 ст. 314-7 УК Франции, «действия должника, даже до вынесения судебного постановления, констатирующего его задолженность, по организации или увеличению своей неплатежеспособности либо путем увеличения своих обязательств или уменьшения своих активов, либо путем уменьшения или сокрытия всех или части своих доходов, либо путем сокрытия некоторого своего имущества с тем, чтобы уклониться от исполнения наказания имущественного характера, объявленного судебным учреждением по уголовным делам, или по делам о деликтах, квазиделиктах и алиментах, объявленных судом по гражданским делам, наказывается тремя годами тюремного заключения и штрафом».

Часть 2 ст. 314-7 УК Франции предусматривает ответственность официального или фактического руководителя юридического лица за организацию или увеличение его неплатежеспособности в условиях, определенных в ч. 1, с тем, чтобы избежать денежных обязательств, следующих из обвинительного приговора, объявленного по уголовному делу, делам о деликтах или квазиделиктах.

Как видно, достаточно своеобразно нормативно отражена объективная сторона

³ Очевидно, что в данной норме закреплена в том числе состав поставления в опасность (состав угрозы). Чтобы избежать дискуссии о юридическом содержании таких составов, условно примем тезис о том, что состав поставления в опасность можно отнести к материальным и наступившую угрозу рассматривать как некое последствие.

рассматриваемого состава преступления, прежде всего при регламентации действий, которые приводят к неплатежеспособности. Если говорить о фактической стороне, то такое описание деяний является схожим с обрисовкой посягательств, которые в российском уголовном законе отражены в ч. 1 ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве» и ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство». Тем не менее заметим, что признаки преднамеренного банкротства в определенной степени урезаны, сохранены только в части увеличения уже существующей неплатежеспособности. На наш взгляд, содержание отечественного уголовного закона является более совершенным.

Во французской правовой доктрине одним из видов преступного банкротства называют фиктивное банкротство, очевидно широко трактуя понятие «искусственное создание неплатежеспособности», которое закреплено в названии Отдела III УК Франции [Mauger Gernhold, 2015, 128]. Однако при сравнении редакций статей УК РФ, предусматривающих ответственность за преднамеренное (ст. 196) и фиктивное банкротство (ст. 197), становится очевидным, что в отдельных случаях французские юристы называют фиктивным банкротством деяния, которые в УК РФ фактически относятся к преднамеренному банкротству. Действительно, при ближайшем рассмотрении положений ст. 314-7 видно, что никакого отношения к организации и осуществлению фиктивной неплатежеспособности они не имеют [Лемягов, 2006, 56-59].

Несомненным положительным аспектом рассматриваемой нормы является расширенная регламентация признаков субъекта преступления, чего не хватает отечественным нормам о преступном банкротстве. Так, в соответствии со ст. 314-7 УК Франции, совершает преступление «юридический или фактический руководитель юридического лица, который организует или отягощает неплатежеспособность ... с целью уклонения от имущественных обязанностей, вытекающих из приговора или решения по уголовным, деликтным или квазиделиктным делам». Прямое указание в норме на фактического руководителя делает анализируемый уголовно-правовой запрет более гибким, криминологически обоснованным и соответствующим потребностям правоприменительной практики.

В характере экономической преступности достаточно часто противоправная деятельность реализуется через подставных лиц, которые не имеют формальных юридических полномочий и обязанностей. Иногда указанный пробел «зашивается» с помощью корректирующих и дополняющих указаний Пленума Верховного Суда по различным преступлениям. Так, например, решен вопрос об ответственности фактических исполнителей, уклоняющихся от уплаты налоговых платежей в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления», которое определяет (п. 6), что «в тех случаях, когда лицо, фактически осуществляющее свою предпринимательскую деятельность через подставное лицо (например, безработного, который формально был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя), уклонялось при этом от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, его действия следует квалифицировать по ст. 198 УК РФ как исполнителя данного преступления, а действия иного лица – в соответствии с положениями части 4 статьи 34 УК РФ как его пособника при условии, если оно сознавало, что участвует в уклонении от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, и его умыслом охватывалось совершение этого преступления». В п. 7 данного постановления также указывается, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ («Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов»)

может являться лицо, фактически выполнявшее обязанности руководителя организации – плательщика налогов, сборов, страховых взносов [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48, [www](http://www.ksrf.ru)].

Для отечественного уголовного законодательства о преступлениях в сфере экономической деятельности, в том числе и для норм о банкротстве (ст. 195–197 УК РФ), необходимо уточнение аналогичного характера. Другое дело, что оно должно носить нормативный характер, осуществляться путем внесения единоразовых комплексных изменений в характеристику субъекта в редакции той или иной нормы, поскольку реализация такого решения в постановлении Пленум Верховного Суда РФ – путь затяжной и неэффективный.

В ч. 1 ст. 314-8 УК Франции указывается, что лицо, осужденное в качестве соучастника деяния, определенного в ст. 314-7, несет солидарную ответственность в пределах своего капитала или рыночной стоимости имущества, полученного бесплатно или за плату, по денежным обязательствам, следующим из обвинительного приговора, от исполнения которого хотел уклониться исполнитель данного деяния. Надо сказать, что это, на наш взгляд, полезное и соответствующее требованиям правоприменительной практики положение, несмотря на то, что оно содержит в себе элементы гражданско-правовой ответственности. К тому же, оно имеет весомое превентивное значение.

Дополнительные наказания в УК Франции, как правило, прописываются не в санкциях конкретной нормы, а закрепляются в специальной статье и распространяются на несколько однородных уголовно-правовых запретов того или иного отдела. Так, в соответствии со ст. 314-11, физические лица, совершившие рассматриваемое преступление и виновные в совершении какого-либо из проступков, предусмотренных 314-7, подвергаются следующим дополнительным наказаниям:

1) конфискация вещи, которая служила или была предназначена для совершения преступного деяния, или вещи, которая получена в результате преступного деяния, за исключением предметов, подлежащих реституции;

2) афиширование или распространение решения, вынесенного в порядке, предусмотренном ст. 131-35.

Рассмотрим последовательно оба вида дополнительных наказаний, учитывая содержание ст. 195–197 УК РФ. Отметим, что конфискация имущества как инструмент принудительного безвозмездного изъятия и обращения в собственность государства на основании обвинительного приговора для лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 195–197 УК РФ, отсутствует (п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ). По делам об экономических преступлениях она предусмотрена только для 13 статей, при этом абсолютно непонятен отбор законодателя отдельных уголовно-правовых запретов гл. 22 УК РФ в группу «конфискационных» статей. Например, в этой группе находятся ст. 183 («Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»), ст. 191¹ («Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины»). Криминологическое содержание и общественная опасность закрепленных в них деяний в определенной степени вполне сопоставима с преступлениями о банкротстве. Так, квалифицированные составы, предусмотренные ст. 191¹ УК РФ, являются деяниями средней тяжести, напротив, квалифицированные банкротские составы относятся к тяжким преступлениям. Очевидно, что применение конфискации для субъектов и соучастников банкротских преступлений является насущной необходимостью.

Особый интерес вызывает дополнительное наказание, закрепленное в ст. 131-35 УК

Франции и предусматривающее афиширование или распространение судебного решения. Во-первых, подобное наказание отсутствует в УК РФ; во-вторых, основания и порядок его исполнения очень четко прописаны во французском законе; в-третьих, его применение органами уголовной юстиции имеет длительный положительный опыт; в-четвертых, такой вид наказания содержит в себе основательные превентивные и исправительные аспекты воздействия на лиц, совершивших криминальное банкротство.

Наказание в виде афиширования или распространения вынесенного приговора осуществляется за счет осужденного. Затраты, покрываемые за его счет, не могут, однако, превышать максимума предусмотренного штрафа.

Суд может предписать афиширование или распространение всего или части приговора либо официального сообщения, информирующего общественность о причинах, повлекших его вынесение, и излагающего его содержание. В случае необходимости суд определяет выдержки из приговора и выражения официального сообщения, которые должны быть расклеены или распространены.

При афишировании или распространении приговора или официального сообщения допускается раскрытие личности потерпевшего только с его согласия или согласия лиц, законно его представляющих или имеющих на это право. Наказание исполняется в местах и на срок, определенных судом. Если закон, согласно которому наказывается преступное деяние, не предусматривает иное, афиширование не может превышать двух месяцев. В случае уничтожения, сокрытия или разрывания расклеенных сообщений афиширование производится вновь за счет лица, признанного виновным в совершении этих действий.

Распространение приговора производится «Официальной газетой» Французской Республики, одним или несколькими другими печатными изданиями, одной или несколькими службами аудио- и видеосообщений. Издания или аудио- и видеослужбы, на которые возлагается распространение, назначаются судом и не могут отказаться от распространения [Мулюков, Ибрагимов, 2020, 2021-204].

УК Франции содержит специальную норму об ответственности за неисполнение судебного решения о наказании в виде афиширования обвинительного приговора, выразившееся в уничтожении, сокрытии или срывании полностью или частично расклеенных афиш (ст. 434-39) [Галаховой, 2005]. Это обстоятельство еще раз подчеркивает актуальность и значимость такого вида дополнительного наказания в доктринальной и правотворческой концепции, в деятельности правоохранительных органов.

Практически каждое предписание нормы об афишировании с небольшой коррекцией могло быть перенесено в отечественное уголовное законодательство в виде иной меры уголовно-правового характера за отдельные виды преступлений, в том числе и банкротства. Указанная форма общественного порицания по смыслу действующего отечественного законодательства не обладает лишениями и ограничениями, не может быть закреплена как вид наказания, по примеру некоторых зарубежных стран, когда иные меры уголовно-правового характера (часто именуемые мерами безопасности) и наказание сосуществуют как единая система наказуемости. В УК РСФСР 1960 г. видом наказания считалось общественное порицание (ст. 33), которое заключалось в публичном выражении судом порицания виновному с доведением об этом в необходимых случаях до сведения общественности через печать или иным способом. По своему содержанию общественное порицание было мерой морального воздействия, которая назначалась судом и влекла за собой судимость, обладавшую значительным предупредительным эффектом. К этой же категории следует отнести наказание в форме

возложения обязанности публично извиниться перед потерпевшим или членами соответствующего коллектива (ст. 32).

Таким образом, учитывая общественный резонанс, последствия преступной несостоятельности для граждан и организаций, социальный статус исполнителей и иных соучастников таких деяний, подобная форма публичного порицания вполне может быть встроена в раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера».

Существенным отличием от российского законодательства является также и то, что субъектами данного преступления, помимо физических лиц, могут быть и юридические лица. Французский уголовный закон допускает уголовную ответственность юридических лиц по отдельным группам преступлений, в том числе и посягательствам в сфере экономической деятельности. К юридическому лицу могут быть применены следующие виды наказания:

а) штраф, который предусматривается в ст. 131-38 и пятикратно превышающий размер штрафа для физических лиц;

б) конфискация имущества, служившего или предназначенного для совершения преступного деяния, или вещи (предметов, средств), которые были получены в процессе совершения преступных действий;

в) публикация информации вынесенного приговора в средствах массовой информации.

Заслуживает внимания опыт уголовно-правового противодействия противоправным проявлениям в сфере несостоятельности в Нидерландах. Достаточно обстоятельно обрисованы преступные деяния в сфере банкротства в разд. XXVI «Причинение ущерба кредиторам или управомоченным лицам» УК Голландии [Волженкин, 2000]. На наш взгляд, уголовное законодательство этой страны наиболее объемно и казуистично в части описания банкротства – различные виды деяний закреплены в 8 статьях (ст. 340-345, 347, 348 УК), которые содержат как умышленные, так и неосторожные посягательства. При этом все составы, закрепленные в данных статьях, являются формальными.

В подавляющем большинстве диспозиции норм не предусматривают прямого указания на умышленный или неосторожный характер деяния. Только в ст. 348 УК Голландии применяется признак «умышленности, при изъятии своей собственности какого-либо имущества, находящегося у другого лица по праву залога, праву удержания...». В остальных случаях оценка характера вины должна осуществляться путем толкования признаков, указанных в норме.

По всей видимости, это обстоятельство не является для нидерландского законодателя критичным и исключительным, например, в ст. 341 УК Голландии, которая описывает деяния, относящиеся, в нашем понимании, к категории тяжких (до 6 лет лишения свободы), вперемешку закреплено как умышленное, так и неосторожное поведение. Можно говорить о неосторожности, если лицо «не подчинилось или не подчиняется требованиям, установленным для него, относительно ведения отчетно-учетной документации ... и хранения и предъявления бухгалтерских книг, документов и другой отчетности» (п. 4 ст. 341). Напротив, очевидно усматривается умышленный характер действий лица, которое «отчуждает собственность без встречного удовлетворения или за цену явно ниже ее стоимости» (п. 2 ст. 341).

На наш взгляд, описанный нормативный пример – не самый удачный вариант дифференциации ответственности, когда умышленные и неосторожные деяния переплетены в рамках единой части статьи, при этом относящейся к категории тяжких. В таком случае назначение справедливого наказания в виде лишения свободы возможно исключительно путем индивидуализации ответственности, отсутствие нижней границы санкции позволяет это сделать, учитывая широкие рамки санкции.

Следует также сказать, что количество статей о банкротстве увеличено и за счет того, что ответственность специальных субъектов прописывается в отдельных уголовно-правовых запретах (ст. 342, 343, 347 УК), которые в качестве исполнителей посягательства упоминают директора-распорядителя, директора или члена наблюдательного совета. Специальный субъект указывается и в ч. 2 ст. 345 УК Голландии.

Если говорить о способах изложения элементов рассматриваемых норм, нидерландский законодатель использует все три законодательных приема – прямой (простой и в большинстве случаев описательный), отсылочный (ссылочный), бланкетный. Бланкетная диспозиция как специфическое средство связи нормативных правовых актов различной юридической силы и метод контакта уголовного закона с другими правовыми актами закрепляется в п. 3 ст. 340, п. 4 ст. 341, п. 1, 3 ст. 342, ст. 343, ст. 347 УК Голландии. Закон прямо либо опосредованно называет бланкетные нормативные правовые акты, необходимые для квалификации содеянного – различные статьи Книги Второй, Третьей Гражданского кодекса, положения Внутреннего регламента или некоторых подзаконных актов. Отсылочные диспозиции закреплены в ч. 1 ст. 349 и, частично, в ч. 2 ст. 345, в ст. 347 УК Голландии.

В ч. 2 ст. 349 УК Голландии указывается, что после осуждения за любое из преступлений, определенных в ст. 340–345, может быть предписана публикация судебного решения. Такое дополнительное наказание, по сути, является аналогом рассмотренных выше положений ст. 131–35 УК Франции об афишировании или распространении судебного решения. Однако во французском законе назначение такого дополнительного наказания за посягательства является обязательным, а в нидерландском – носит диспозитивный характер.

Своеобразием в регламентации преступлений в сфере банкротства отличается Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. [Серебренникова, 2002]. Все статьи о банкротстве преступлениях размещены в гл. 2 «Преступления или проступки, связанные с конкурсным производством и взысканием долга» 2 разд. «Преступные деяния против имущества».

Размещение норм указывает на приоритеты швейцарского законодателя в определении объекта этих преступлений – их родовым объектом являются имущественные отношения, видовым – отношения в сфере конкурсного производства и взыскания долга. Такое решение, не просто позиция законодателя, но и отражение доктринальных взглядов [Ulbrecht, 2010, 78]. Это подтверждает и терминология, которая используется при регламентации исследуемых деяний. К примеру, название ключевой статьи (ст. 163 УК Швейцарии) и конструкция состава оперируют признаками, характерными (в понимании отечественной доктрины) для преступлений против собственности: «Мошеннический конкурс и мошенничество, связанное с наложением ареста на имущество должника». Акценты на имущественные отношения, а не на отношения в сфере экономической деятельности делаются и в ст. 164, 165 УК Швейцарии: «Причинение ущерба кредитору путем уменьшения имущества»; «Бесхозяйственность».

Как и нидерландский, швейцарский уголовный закон достаточно объемно и казуистично описывает различные преступления в сфере конкурсного производства в 8 статьях (163–170). Следует сказать, что швейцарский законодатель более четко дифференцирует ответственность в зависимости от характера вины. Так, в названии ст. 165 применяются терминология, характерная для неосторожных посягательств – «бесхозяйственность», в диспозиции нормы закреплены субъективные признаки – «легкомыслие», «небрежность», аналогичные по юридическому наполнению признакам, которые применяются в отечественном уголовном законе.

В ч. 2 указанной статьи размещены два положения, которые частично перекликаются с

особенностями уголовно-правового конструирования в УК РФ. Первое из этих положений определяет, что «должник, на имущество которого наложен арест, преследуется только по жалобе кредитора, который получил справку о неудовлетворении претензии». Такая жалоба должна быть подана в 3-х месячный срок со дня выставления подтверждения безрезультатного залога, дающего основание для последующего предъявления требований.

Очевидно, что предписание носит сугубо процессуальный характер и в какой-то мере является схожим с примечанием 2 (в настоящее время утратило силу) в ст. 201 УК РФ, которое предусматривало, что если «деяние, предусмотренное настоящей статьей либо иными статьями настоящей главы, причинило вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия». Нахождение процессуальных предписаний в Особенной части уголовного закона является негативным аспектом законодательной техники, и они были справедливо исключены из УК РФ.

Второе нормативное положение в ч. 2 ст. 165 УК Швейцарии предусматривает, что «кредитор, который склоняет должника к легкомысленному мотовству, несоразмерным затратам или к рискованной спекуляции или ростовщически его эксплуатирует, не обладает правом на подачу жалобы». По сути, указанное предписание является специфической формой специального освобождения, различные виды которого в большом количестве присутствуют в УК РФ. Основанием же для такой формы уголовно-правового поощрения является противоправное поведение потерпевшего. В российском праве такими основаниями могут быть: а) позитивное посткриминальное поведение (примечание к ст. 126, 204¹, 222, 291 и др.); б) принятие потерпевшим опасного поведения виновного (ст. 122); в) конституционные установления (ст. 308, 316); г) обстоятельства крайней необходимости (ст. 322, 337, 338).

Противоправное или аморальное поведение потерпевшего как основание уголовно-правового поощрения в УК РФ закреплено исключительно в качестве смягчающего обстоятельства (п. «з» ч. 1 ст. 61).

На наш взгляд, если оценивать финансово-кредитную систему Швейцарии как одну из самых эффективных, надежных и нормативно защищенных, можно представить, что исторически долгая практика регулирования института несостоятельности неслучайно отразила в УК Швейцарии как основание непривлечения к уголовной ответственности противоправное поведение кредитора, провоцирующее должника на необоснованные и необязательные расходы.

В группе исследуемых криминальных банкротств не совсем удачно присутствует «антикоррупционная» норма (ст. 168 «Подкуп при принудительном исполнении решения»), предусматривающая ответственность в виде тюремного заключения или штрафа для лица, которое «предоставляет или гарантирует кредитору или его представителю особые преимущества, чтобы получить его голос на собрании кредиторов или комиссии кредиторов или чтобы воздействовать на одобрение по поводу судебного договора по неплатежеспособности или отклонения такого договора». Под особыми преимуществами понимается передача имущества и совершение действий имущественного характера.

Ответственность по данной статье дифференцирована по кругу подкупаемых лиц. Более суровое наказание – исключительно тюремное заключение – следует для лица, которое представляет или гарантирует конкурсному управляющему, члену конкурсного управления, поверенному или ликвидатору особые преимущества, чтобы повлиять на их решения. Также в этой норме предусмотрена ответственность в виде безальтернативного тюремного заключения для лица, которое в своих интересах использует полученные коррупционным путем

преимущества или гарантирует их себе.

В целом, ответственность за банкротские преступления дифференцирована также по характеру действий – в случае совершения мошеннических действий, фальсификации документов, размеров долга и т.д. в период текущей процедуры банкротства (ст. 163, 164 УК Швейцарии), наказание, связанное с лишением свободы, назначается альтернативно в виде каторжной тюрьмы либо тюремного заключения. При этом максимальный срок для каторжной тюрьмы не превышает 5 лет, тогда как срок тюремного заключения не указывается ни в одной из статей гл. 2 «Преступления или проступки, связанные с конкурсным производством и взысканием долга».

Тюремное заключение отбывается в обычных тюрьмах (тюрьмы открытого типа) и является более мягким наказанием, чем отбывание срока в каторжной тюрьме. Условия содержания в тюрьмах одинаковые, разница заключается лишь в степени обеспечения безопасности. В тюрьмах открытого типа отсутствуют внешние ограждения, территория лишь условно обозначена, с разрешения руководства тюрьмы осужденные могут работать и за ее пределами. В тюрьмах закрытого типа (каторжных) осужденные находятся под охраной, не могут выйти за пределы данной территории, предусмотрены инженерно-технические средства охраны [Мартин Шмид, Отрохина, 2013, 78].

Заключение

Анализ уголовного законодательства отдельных развитых зарубежных стран позволяет сделать следующие выводы.

1. Уголовные кодексы всех европейских государств содержат основные и специальные нормы о преступном банкротстве. Предусмотренные ими основные составы в целом схожи с отечественными уголовно-правовыми запретами, в отдельных случаях зарубежное уголовное законодательство различается с отечественным. Так, достаточно часто выделяются специальные составы преступлений по признакам предмета, объективной стороны, субъекта. Такая нормативная ситуация является не всегда оправданной и противоречит принципу экономии законодательного материала.

2. В законодательстве некоторых зарубежных стран предусматривается ответственность за неосторожное банкротство. При этом законодатель, прописывая в законе форму неосторожности, которая соответствует конкретному деянию, порой разграничивает легкомыслие и небрежность, вкладывая в деяния, совершенные по легкомыслию, больший уровень общественной опасности. На наш взгляд, этот опыт будет интересен при регламентации неосторожных деяний в сфере экономической деятельности.

3. При казуистичном описании криминального банкротства законодатель Германии в объемных диспозициях дифференцирует нормативный материал на пункты или подпункты. Такой законодательный прием в значительной степени облегчает восприятие сложных экономических терминов, закрепленных в статье.

4. Заслуживает внимания возможное применение зарубежного опыта в отечественной практике в части конструирования санкций в нормах о преступном банкротстве.

5. В зарубежном законодательстве конфискация имущества выступает в качестве инструмента принудительного безвозмездного изъятия и обращения в собственность государства по делам о криминальном банкротстве.

6. Особый интерес вызывает закрепленное в уголовном законодательстве Франции и Нидерландов специфическое дополнительное уголовное наказание, предусматривающее

публичное оглашение и распространение судебного решения по делам о преступлениях в сфере банкротства. Подобная форма публичного порицания содержит в себе основательные превентивные и исправительные аспекты воздействия на лиц, совершивших криминальное банкротство.

Библиография

1. Волженкин Б.В. (ред.) Уголовный кодекс Голландии; пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб., 2000.
2. Галахова А.В. (ред.) Преступления против правосудия. М., 2005.
3. Головки Л.В., Крылова Н.Е. (ред.) Уголовный кодекс Франции / науч. ред.; пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб., 2002.
4. Головненков П.В. (ред.) Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. М., 2016. 198 с.
5. Грибов А.С., Иванчин А.В. О германском опыте конструирования составов экономических преступлений // Юридический мир. 2009. № 1. С. 63-67.
6. Исаев М.М. (ред.) Французский уголовный кодекс 1810 года; пер. Н.С. Лапшина. М., 1947.
7. Лемягов А.Н. Ответственность за банкротство в законодательстве зарубежных стран // Российский следователь. 2006. № 6. С. 56-59.
8. Липатов Д.В. Штраф как вид уголовного наказания в законодательстве зарубежных стран // Международное публичное и частное право. 2006. № 2. С. 61-63.
9. Лордкипанидзе А.Г. Гарантии платежеспособности по законодательству Англии и Франции // Законодательство зарубежных стран: Обзорная информация. М., 1979. Вып. 162. С. 32-33.
10. Мартин Шмид, Огрохина Е.А. Виды наказаний и принудительных мер в уголовном законодательстве Швейцарии // Пенитенциарная наука. 2013. № 1. С. 88.
11. Мулюков Ф.Б., Ибрагимов А.Г. Санкции и наказания за преступления против личности по Уголовному кодексу Франции // Ученые записки Казанского ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2020. № 2. С. 201-204.
12. О несостоятельности и судебных урегулированиях, о реабилитации и о банкротствах и о других нарушениях в области несостоятельности. URL: <https://studfile.net/preview/4257264/page:5/> (дата обращения 28.07.2024).
13. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.07.2021).
14. Серебренникова А.В. (ред.) Уголовный кодекс Швейцарии. СПб., 2002.
15. Шмид М., Огрохина Е. А. Виды наказаний и принудительных мер в уголовном законодательстве Швейцарии // Пенитенциарная наука. 2013. № 1. С. 88.
16. Charlotte Schildt. Die Insolvenz des Freiberuflers. Universität Hamburg, Nomos, Baden-Baden, 2020.
17. Charlotte Schildt: Die Insolvenz des Freiberuflers. 2006.
18. Mayer Gernhold. Criminal activity of corporations in the European Union: bankruptcy, tax evasion, laundering of criminal proceeds. Strasbourg: Michel Vernier Scientific Publishing House, 2015.
19. Reinhard Bork. Einführung in das Insolvenzrecht. 9. Auflage. Mohr Siebeck, Tübingen, 2019.
20. Statistiken und Daten zur Kriminalität. URL: <https://de.statista.com/themen/94/kriminalitaet> (дата обращения: 17.07.2024).
21. Ulbrecht A. Verbrechen gegen Eigentum im Strafrecht der Schweiz: moderner Zustand und neue Ansätze. Zürich, Wissenschaftshaus, 2010.

Criminal bankruptcy in foreign countries: regulation and liability

И'ya N. Rusyaev

Postgraduate Student of the Department of Criminal Law,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18 Kremlevskaya str., Kazan', Russian Federation;
e-mail: manager@rusyaev.com

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of the institution of criminal bankruptcy in foreign countries, with a focus on legal regulatory mechanisms and measures of liability for its commission. Special attention is given to countries of the civil law tradition, whose legal systems are most closely aligned with the Russian legal framework in terms of historical and legal traditions, approaches to the normative construction of criminal offenses, and methods of criminal law protection. A significant part of the study focuses on German criminal law, which serves as an example of one of the most effective models for regulating economic insolvency relations. The provisions of the German Criminal Code (StGB) and the Insolvency Act (Insolvenzordnung – InsO) are examined, including the criminal offenses stipulated in §283 StGB. The analysis covers offenses such as deliberate concealment of assets, artificial inflation of liabilities, submission of false financial statements, and preferential treatment of certain creditors. Specific features of criminal liability are identified, including fines, imprisonment, and additional sanctions, as well as a comparison with the legislation of the Russian Federation. In addition, the article examines the legislation of France, the Netherlands, and Switzerland. Various types of criminal bankruptcy, sanctions for their commission, and the specifics of the subjects involved are analyzed. The article provides an opportunity to compare the legislation of different foreign jurisdictions, identify similarities and differences in regulatory approaches, and evaluate the advantages and disadvantages of the systems under consideration.

For citation

Rusyaev I.N. (2024) Kriminal'noe bankrotstvo v zarubezhnykh stranakh: regulirovanie i otvetstvennost' [Criminal bankruptcy in foreign countries: regulation and liability]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (10A), pp. 305-320.

Keywords

Criminal bankruptcy, economic insolvency, foreign legislation, Insolvency Act, deliberate concealment of assets, fraudulent bankruptcy, civil law tradition, criminal law protection, criminal sanctions, comparative legal studies.

References

1. Charlotte Schildt (2020) Die Insolvenz des Freiberuflers. Universität Hamburg, Nomos, Baden-Baden.
2. Charlotte Schildt: Die Insolvenz des Freiberuflers (2006).
3. Galakhova A.V. (ed.) (2005) *Prestupleniya protiv pravosudiya* [Crimes against justice]. Moscow.
4. Golovko L.V., Krylova N.E. (ed.) (2002) *Ugolovnyi kodeks Frantsii / nauch. red.; per. s fr. i predisl. N.E. Krylovoi* [Criminal Code of France / scientific. ed.; trans. from French and preface. N.E. Krylova]. Saint Petersburg.
5. Golovnenkov P.V. (ed.) (2016) *Ugolovnoe ulozhenie (Ugolovnyi kodeks) Fede-rativnoi Respubliki Germaniya: Strafgesetzbuch (StGB): nauchno-prakticheskii kommentarii i perevod teksta zakona* [Criminal Code (Criminal Code) of the Federal Republic of Germany: Strafgesetzbuch (StGB): scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. Moscow.
6. Gribov A.S., Ivanchin A.V. (2009) O germanskom opyte konstruirovaniya so-stavov ekonomicheskikh prestuplenii [On the German experience of constructing the composition of economic crimes]. *Yuridicheskii mir* [Legal World], 1, pp. 63-67.
7. Isaev M.M. (ed.) (1947) *Frantsuzskii ugolovnyi kodeks 1810 goda; per. N.S. Lapshina* [French Criminal Code of 1810; trans. N.S. Lapshina]. Moscow.
8. Lemyagov A.N. (2006) Otvetstvennost' za bankrotstvo v zakonodatel'stve zaru-bezhnykh stran [Liability for bankruptcy in the legislation of foreign countries]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 6, pp. 56-59.

9. Lipatov D.V. (2006) Shtraf kak vid ugovnogo nakazaniya v zakonodatel'stve zarubezhnykh stran [Fine as a type of criminal punishment in the legislation of foreign countries]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe parvo* [International public and private law], 2, pp. 61-63.
10. Lordkipanidze A.G. (1979) Garantii platezhesposobnosti po zakonodatel'stvu Anglii i Frantsii [Guarantees of solvency under the legislation of England and France]. *Zakonodatel'stvo zarubezhnykh stran: Obzornaya informatsiya* [Legislation of foreign countries: Review information], 162. Moscow, pp. 32-33.
11. Martin Schmid, Ogrokhina E.A. (2013) Vidy nakazanii i prinuditel'nykh mer v ugovnom zakonodatel'stve Shveitsarii [Types of Punishments and Coercive Measures in the Criminal Law of Sweden]. *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary science], 1, p. 88.
12. Mayer Gernhold (2015) *Criminal activity of corporations in the European Union: bankruptcy, tax evasion, laundering of criminal proceeds*. Strasbourg: Michel Vernier Scientific Publishing House,.
13. Mulyukov F.B., Ibragimov A.G. (2020) Sanktsii i nakazaniya za prestupleniya protiv lichnosti po Ugolovnomu kodeksu Frantsii [Sanctions and punishments for crimes against the person under the Criminal Code of France]. *Uchenye zapiski Kazanskogo un-ta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Scientific notes of Kazan University. Series "Humanities"], 2, pp. 201-204.
14. O nesostoyatel'nosti i sudebnykh uregulirovaniyakh, o reabilitatsii i o bankrotstvakh i o drugikh narusheniyakh v oblasti nesostoyatel'nosti [On insolvency and judicial settlements, on rehabilitation and on bankruptcies and on other violations in the field of insolvency]. Available at: <https://studfile.net/preview/4257264/page:5/> [Accessed 28.07.2024].
15. O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26.11.2019 № 48 [On the practice of applying the legislation on liability for tax crimes by the courts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.11.2019 No. 48]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant] [Accessed 27.07.2024].
16. Reinhard Bork (2019). *Einführung in das Insolvenzrecht*. 9. Auflage. Mohr Siebeck, Tübingen,
17. Serebrennikova A.V. (ed.) *Ugolovnyi kodeks Shveitsarii* [Criminal Code of Switzerland] (2002). Saint Petersburg.
18. Schmid M., Ogrokhina E.A. (2013) Vidy nakazanii i prinuditel'nykh mer v ugovnom zakonodatel'stve Shveitsarii [Types of punishments and coercive measures in the criminal legislation of Switzerland]. *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary Science], 1, pp. 88.
19. Statistiken und Daten zur Kriminalität. Available at: <https://de.statista.com/themen/94/kriminalitaet> [Accessed 17.07.2024].
20. Ulbrecht A. (2010) *Verbrechen gegen Eigentum im Strafrecht der Schweiz: moderner Zustand und neue Ansätze*. Zürich, Wissenschaftshaus.
21. Volzhenkin B.V. (ed.) (2000) *Ugolovnyi kodeks Gollandii; per. s angl. I.V. Mironovoi* [Criminal Code of the Netherlands; trans. from English by I.V. Mironova]. Saint Petersburg.